

Никита был кристально честным. Это качество развилось в нём благодаря генам и воспитанию. Он был бы рад соврать, но не умел. В юности он искренне пытался овладеть этим искусством, однако всякий раз что-то шло не так. В школе у всех его приятелей было два дневника. Один – для двоек, другой – для родителей. У Никиты тоже поначалу было два дневника. Аффёра закончилась саморазоблачением уже через неделю. Парень так переживал, что обман вскроется, что с облегчением вскрыл его сам, предъявив маме оба экземпляра. С курением произошло то же самое. То есть, Никита начал курить тайком, но тайна была жгучей, и он от греха подальше бросил курить. Ещё парень легко говорил правду о других. Прямые вопросы его обезоруживали. «Кто разбил окно? – Витя мячиком», «Кто сломал унитаз? – Это Антон петарду бросил», «Почему Димы нет на уроке? – Он в кино ушёл, но просил сказать, что заболел». Как вы понимаете, в школе парень жил не очень хорошо.

Окончив школу, Никита поступил в Политех и стал строителем. Инженерные дела привели его на завод. Мужики невзлюбили его сразу. С годами к Никитиной честности добавился перфекционизм. То есть, парень вникал буквально во всё, что лежало в сфере его ответственности, и не допускал никакой халтуры. Не халтуры в смысле качества, а халтуры в смысле соответствия нормативам, что, согласитесь, не всегда одно и то же. Честность и перфекционизм угнетали не только мужиков, они действовали и на начальство. Например, субординацию Никита соблюдал с каким-то протестантским рвением. Упорно называл на «Вы», держал дистанцию, был неизменно вежлив, ровен и трудолюбив. Плюс – он совсем не пил спиртного, что само по себе превращало его чуть ли не в иностранца.

В двадцать пять лет Никита женился. Может быть, подсознательно, может быть, потому что у Нади был лег-

кий нрав и потрясающие бедра, но женился он на филологине. Если говорить религиозным языком, то идейный протестант женился на кокетливой католичке. На самом деле, такую невозможность объяснить просто. Человек в человеке ищет двух вещей: то, что в нём итак уже есть или то, чего в нём нет вовсе. Брак – это всегда либо вопрос самолюбования, либо самосовершенства. У Никиты и Нади монетка упала в пользу самосовершенства. То есть, они были достаточно умны, чтобы вникать во внутреннее устройство друг друга, отчего их отношения напоминали путешествие по незнакомой стране, а такое, согласитесь, редко бывает неинтересным.

Надя работала в Горьковской библиотеке, обожала котиков и стихи Бунина. В каком-то смысле, она была творческим человеком. «В каком-то», потому что её творчества хватало только на творческий беспорядок и ни на что больше. Но даже эта подробность казалась Никите милой, ведь ему нравилось делать уборку. Они жили в двухкомнатной квартире, которая досталась ему от бабушки. Забавно, но решение отказаться от свадьбы было обоюдным, и необыкновенно их сблизило.

В сентябре 2011 года Надя забеременела. Это случилось не в порыве страсти или потому что презерватив прохудился, а вполне сознательно. Почему бы не завести ребёнка, когда двадцать пять, любовь и двухкомнатная квартира? Девять месяцев беременности молодая пара провела в фантазиях. Сначала они выбирали в интернете кроватку и погремушки. Читали вслух книгу Януша Корчака «Как любить ребенка». Януш казался им убедительным не столько в силу текста, сколько в силу биографии. Потом родительский инстинкт унёс их вдаль. Мальчику (а УЗИ показало, что будет мальчик) было придумано имя – Владислав. За именем последовал детсад, школа и спортивная секция (плаванье). В какой-то момент Никита и Надя перешли невидимую грань. Их ребенок стал их экзистенциальным «центром тяжести». Они постоянно говорили о нём, как бы сидя в облаке нежности, из которого тянулись канаты, накрепко швартующие их к сыну. Перед родами Никита специально взял отпуск, чтобы не отходить от жены. Надо ли говорить, что он присутствовал на родах

и даже перерезал пуповину? Ни с чем не сравнимый опыт пронзил его насквозь. В этом пронзённом состоянии парень пробыл три дня.

Через три дня ему позвонила Надя и сказала, что ребёнка увезли в больницу на Баумана, потому что он странно срыгивает и надо кое-что проверить. Никита сразу поехал туда. Надю должны были выписать на следующий день. Она волновалась за сына, но не паниковала, потому что не может же с ним ничего произойти? На Баумана к Никите вышел глава детской экстренной хирургии Олег Иванович. Он был мрачен и держал в руке медицинскую шапочку.

– Вы отец Владислава?

– Да. Что с ним?

– Анастомоз. Перевитие кишечника 720 градусов.

– Что это значит?

– Кишечника практически нет.

– Почему его нет?

– Это врождённое. На УЗИ проморгали.

– И что теперь?

– Будем шить. Но шансов почти нет. Вам лучше думать о втором ребенке.

– О каком втором ребенке? Что вы несёте?

– Хотите его увидеть?

– Хочу.

Олег Иванович повел Никиту по коридорам и привёл в маленькую комнату, где в «саркофагах» из оргстекла лежало трое младенцев. Одним из них был Владислав. Из его тельца тянулись провода. Вокруг стояли непонятные приборы и мигали огоньками.

– Он как здоровый.

– Мужайтесь.

– Он дышит. Я вижу, как он дышит.

– Я вам говорю – мужайтесь. Шансов – один из ста. Но и в этом случае он навсегда останется тяжёлым инвалидом.

– А если в Израиль? Если я найду деньги и увезу его в Израиль?

– Даже в Израиле не научились отращивать новый кишечник. С первыми детьми такое бывает. Это надо пережить. Стиснуть зубы и пережить. Мужайтесь.

– Вы достали со своим «мужайтесь»! Что я жене скажу? Что я...

Никита задохнулся и заплакал. То есть, не так заплакал, как обычно плачут люди – с гримасой, а как бы просто позволил слезам течь. Олег Иванович тронул его за плечо.

– Вы курите?

– Что?

– Вы курите?

– Нет.

– А я очень хочу покурить. Пойдемте со мной на воздух.

Олег Иванович взял Никиту за локоть и вывел из комнаты. На улице хирург закурил. Никита стоял рядом и напоминал амёбу. Вдруг он очнулся и, ни слова ни говоря, пошёл на остановку. На остановке он сел на лавку и стал думать о Наде. Она этого не переживёт. Сойдет с ума. Наложит на себя руки. Просто умрёт на месте. Никита чувствовал себя карликом, который заменил атланта. Атлант нашел бы слова, чтобы сказать жене правду, карлик отдался вранью. В эту минуту Никита напоминал сумасшедшего игрока, поставившего на zero всё своё состояние.

«Я дам врачам время. Скажу Наде, что Владуку нужна маленькая операция на кишечнике. Но как не дать ей приехать на Баумана? Скажу, что к нему пока не пускают. Скажу, что только через три дня можно, а через три дня расскажу ей правду. Подготовлю почву. Но как мне врать, если я не умею врать? Можно ли вообще здесь врать? А если не врать, то как сказать? Позвонить и сказать – знаешь, наш сын умрёт, думай о втором ребёнке? Мужайся! При чем тут мужество? Что за идиотизм? Надо поверить, надо изо всех сил поверить, что Владуку действительно нужна маленькая операция на кишечнике! Как люди верят в Бога. Точно также поверить. Многие ведь верят в Бога? А как мне подготовить почву? Есть здесь хоть какая-то почва?». Никита вступил на скользкий путь перерождения прямо на остановке.

Приехав домой, парень позвонил жене и умеренно-грустным голосом рассказал о «маленькой операции на кишечнике». Рядовой случай. Завиток кишок. Со многими первыми детьми такое случается. Это был вторник. В среду

Надю выписали из роддома, и она вернулась домой. Новость об операции привела её в смятение, однако Никита был убедителен и уверен в себе, и Надя ему поверила. Разумеется, она не находила себе места и очень хотела увидеть сына, но муж старательно сдерживал её порывы. Надо сказать, порывы были сильными. Разлучить мать с новорождённым ребенком, это то же самое... Подходящих сравнений у меня нет.

Но не только усилиями Никиты я объясняю относительное спокойствие Нади. Наверное, не последнюю роль сыграли и роды, после которых она еще не вполне отошла и была как бы в легкой прострации, когда желание передоверить себя другому граничит с потребностью. Эту потребность Никита удовлетворял в полной мере. Первый день дался ему легко. Зато второй (четверг) почти доконал диалогами.

– Давай Владика на такси забирать поедем?

– Конечно, на такси.

– Смотри, какая распашонка! Мама твоя принесла. Быстрей бы его одеть! Ты звонил в больницу?

– Утром звонил, пока ты спала. У них всё идет по плану, новости будут завтра. (Никита действительно звонил в больницу каждый день. За три дня Владик перенёс уже две операции, но ни одна из них ситуацию не изменила.)

– Я тут про плаванье читаю...

– Чего?

– Пишут, что плаванье – это самый нетравматичный вид спорта. Ты знал об этом, когда его предлагал?

– Не знал. Теперь знаю.

После каждого такого разговора Никита уходил в ванную и грыз кулак. Он решительно не понимал, как ему подготавливать почву для страшной новости. Более того, он всё меньше контролировал ситуацию. В его глазах то закипали жгучие слезы, то он вдруг переставал слышать, то мучительно хотел в туалет, как при «медвежьей» болезни.

Ночью Никита не спал. Он лежал в темноте, положив левую руку на Надю, и придумывал речь. Речь не придумывалась. Никакие прелюдии и вводные обороты не могли завуалировать «выстрел». Утром он должен был «застрелить» супругу, чтобы тут же склониться над её раной.

Наступила пятница. Под утро Никита уже не придумывал речь, а казнил себя за ложь. «Идиот! Зачем я это сделал? Надо было сразу сказать Наде правду. Как мне её теперь сказать? “Извини, про маленькую операцию я соврал. Наш сын умирает, и шансов на спасение мало?”». С другой стороны – он продолжал надеяться на чудо, ведь врачи боролись, а значит – ещё не всё потеряно.

Никита был на кухне, а Надя ещё спала, когда зазвонил телефон. Парень сорвал трубку, как чеку. Звонили из больницы. Сам Олег Иваныч.

– У вашего сына агония. Всё кончено. Приезжайте.

Поплыли стены, окна, потолок. Из-под ног ушёл ламинат.

– Как – агония? Был ведь шанс!

– Один из ста. Он оказался не наш.

– Но ведь он был!

– Был. Мне пора. Приезжайте.

В трубке затрепыхались гудки. Никита стоял и смотрел в окно. Сзади раздался Надин голос. Он был глухим и каким-то чужим, словно с Никитой заговорила незнакомка.

– Я всё слышала. Владик умер?

– Умер. Анастомоз. Перевитие кишечника 720 градусов. Врождённое. На УЗИ проморгали. У нас был шанс. Небольшой, но был. Прости, что я соврал. Я...

Надю вырвало. Никита отвернулся к окну. Парень как бы раздвоился – один Никита оцепенело не думал про сына, а другой развернул свою жизнь, как свиток, и вдруг понял, что нет никакой правды и никогда не было, а всегда была только его трусость. Одна его трусость и больше ничего. Перерождение завершилось. Надя отёрла рвоту.

– Ты всё правильно сделал. Отвези меня к сыну.

Никита вызвал такси, и они поехали на Баумана. Их брак не распался. Надя стала чуть-чуть мёртвой, а Никита бросил козырять правдой и стал больше заботиться о Наде. А ещё он купил котёнка. Маленького, пушистого, здорового. Рост – 15 см. Вес – 470 граммов. Теперь ему восемь лет: он сам открывает двери, умеет смывать бачок и любит сидеть на краю ванны и смотреть на Надю, когда она в ней лежит.